

Брошюра-путеводитель по книге об ограничениях современного экономического роста

Создание условий для долгосрочного экономического роста, благоприятного делового климата, инвестиционной привлекательности страны – этой задаче столько же лет, сколько самой экономической науке. Тема этой книги – наиболее опасные препятствия на пути решения старой задачи. Среди таких препятствий есть и относительно хорошо изученные. Есть известные, но прочно забытые. Есть по разным причинам игнорируемые.

Экономическая наука рассматривает поведение людей через призму их интересов и попыток максимизировать более или менее ясно осознаваемое благо с использованием ограниченных ресурсов. Интересы людей значимо зависят от «правил игры» страны и общества и от тех организаций, структур (начиная с семьи и кончая правительством), которые обеспечивают реализацию этих правил. Большинство стран и народов живет в нищете и веками не может преуспеть в попытках догнать лидеров. Именно в этих странах настоящим законом является не писанный текст, а произвол правителя или просто лидера (лидеров) вооруженных групп, и ценность человеческой жизни для государства и общества такова, что потери и жертвы насчитываются тысячами, а то и миллионами.

В этих странах, где человек может просто бесследно исчезнуть в составе очередных сотни, тысячи или миллиона, естественно, невозможно надежно гарантировать права частной собственности. Невозможно разграничить собственность (и ответственность) государства и бизнеса. То есть невозможно обеспечить те минимальные условия экономического роста, вокруг которых практически нет споров среди подавляющей части экономистов.

Как большинство способствующих экономическому росту стимулов составляет достаточно цельную и логически взаимосвязанную систему, так и большинство препятствующих росту стимулов имеет общие корни.

Поэтому предлагаемая Вашему вниманию книга, прежде всего, – о клубке проблем, в котором рискует запутаться рано или поздно любая страна, любой народ при попытке выйти на путь долгосрочного стабильного экономического роста.

Существуют два основных подхода к решению основных проблем общества и личности.

Первый основан на презумпции ограниченной дееспособности граждан и на допущении о полной или очень значительной информированности государства. Естественно, он предполагает, что такие граждане нуждаются в защите от рынка и от свободной конкуренции. Современным следствием этого подхода является стремление как можно больше расширить сферу ответственности и полномочий государства. Так, чтобы в нее попадала поставка и «чистых» и «смешанных общественных благ» и даже (иногда) частных. При этом ответственность государства перед недееспособным гражданином минимальна, а контроль за поведением гражданина и частных организаций со стороны государства максимален.

Второй подход предполагает, что никто лучше самого индивида не решит его проблем. Несмотря на ограниченность информации¹, человек может самостоятельно решать все свои основные проблемы. Риски неразумного и безответственного распоряжения ресурсами ограничиваются и минимизируются тогда, когда ими распоряжается их собственник. Если жизни и свободе человека ничего не угрожает, он, как правило, в состоянии исправлять сделанные ошибки. Никто лучше самого индивида не распорядится его ресурсами, как к его собственной пользе, так и, агрегированно, к пользе общества.

Почти 220 лет назад В. ф. Гумбольдт сформулировал соответствующие этим двум подходам цели государства: «желать способствовать счастью или только стараться предотвращать зло²».

Результаты, полученные нами при сравнительном анализе институтов стран с переходной экономикой, а затем и более широкой выборки стран (Мау, Яновский и др., 2003), позволили сформулировать гипотезу о том, что фундаментальным условием надлежащих гарантий частной собственности и высокого уровня доверия являются гарантии неприкосновенности личности. Среди таких гарантий преобладают институты, традиционно относимые экономистами к «политическим» (независимый суд, независимые конкурирующие СМИ, свобода союзов, конкуренция партий и т.п.).

Уверенность в том, что успех, выражающийся в наличии лучшего, чем у полицейского, дома, более дорогой, чем у мэра, машины или даже более красивой, чем у губернатора, жены, не вызовет со стороны перечисленных персон карательных акций, является необходимым предварительным условием для широкого распространения частной инициативы. При его отсутствии любые формальные гарантии свободы частного предпринимательства и защиты частной собственности не стоят почти ничего. Эту связь очень хорошо отражает грубоватый лозунг американских консерваторов³: «Защити право Второй поправки⁴ или потеряешь все остальные!»

¹ Информационные ресурсы государства также ограничены, хотя и намного превосходят возможности отдельного рыночного агента. Однако в каждой конкретной ситуации (для каждой транзакции) информированность заинтересованных частных участников транзакции, как правило, значимо выше, чем у представителя государства. Частные агенты полностью используют доступные им информационные ресурсы, в то время как заинтересованность чиновника в сборе и использовании потенциально доступной для него обширной информации близка к нулю.

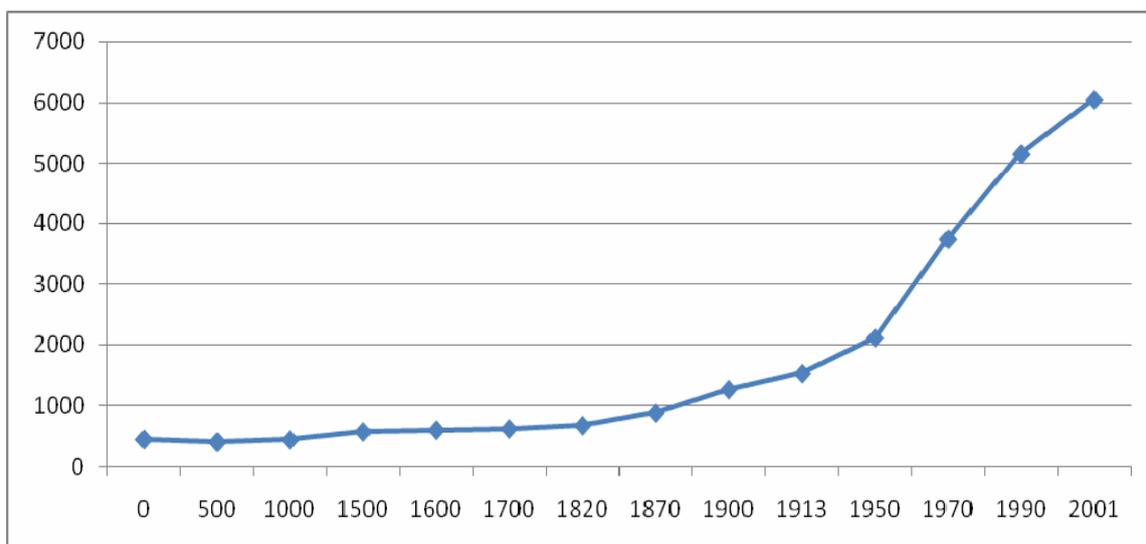
² Гумбольдт, 2009, с. 20. Далее, анализируя экономическое значение религии и идеологии, мы выделим религиозно-этические корни этих двух подходов. Единственными функциями вынужденно компактного государства в рамках второго подхода остаются «чистые общественные блага» – оборона, безопасность, правосудие.

³ “Defend 2-nd Amendment rights or lose all the rest”.

⁴ Обеспечивающей свободу приобретения и ношения оружия и исключаящей тем самым комфортное и безопасное массовое изъятие у экономических агентов ценностей, приглянувшихся власть имущим, или лишение первых прав, докучающихся последним. Совершенно очевидно, что укоренение в сознании

Итак, мы предполагаем, что для надлежащих гарантий частной собственности и высокого уровня доверия гарантий особую роль играют гарантии неприкосновенности личности. Этот вывод делается нами не только из результатов ряда исследований стран с переходной экономикой последних лет⁵. Такова, как представляется, неявная предпосылка всей классической экономической теории (о чем в аспекте права на судебную защиту писал еще А. Смит). Причем предпосылка настолько очевидная и старая, что о ней редко кто вспоминает.

До того как в отдельных странах сложились институты, гарантирующие право собственности, долгосрочный уровень душевого ВВП большинства стран (равно как и средний показатель по всему миру) колебался вокруг одних и тех же значений. Прорыв произошел после того, как Голландия, Англия, США, а затем и многие европейские страны сумели обеспечить соответствующие права и гарантии (см. рис.)

Примечание. Приведена одна из наиболее распространенных и авторитетных оценок динамики ВВП. Обычно такого рода оценки делаются исходя из цены на тот или иной год определенной корзины благ. В данном случае корзина исчислена в долларах 1990 г. Методология предложена Р.Гери (*R.C. Geary*) и развита С. Хамисом (*S.H. Khamis*).

Источник: Maddison, 2001, 2003.

Рис. Динамика мирового душевого ВВП за 2000 лет по оценке М. Мэддисона

американцев и широкое использование ими Второй поправки привело не столько к росту мощи американского ополчения, сколько к невозможности массового нарушения властями поправок с 4 по 8-ю, запрещающих властям покушаться на неприкосновенность личности, а, следовательно, косвенно и Первой поправки, запрещающей властям покушаться на интеллектуальную и духовную свободу личности.

⁵ Олсон, 1994; Мау, Яновский, 2001; Мау, Жаворонков и др., 2002; Мау, Жаворонков, Яновский и др., 2003. Некоторые основные результаты статистического анализа, проведенного в рамках последних проектов, приведены в Приложении 1.

Используемые понятия

Институты – это признаваемые человеком ограничения, формирующие человеческие взаимоотношения⁶.

Долгосрочный экономический рост – рост ВВП на душу населения указанными темпами (свыше 1% до середины XIX в., 1,5–3% после или 1,5–2% в среднем за 200 лет). В отличие от «современного экономического роста», развернуто определенное С. Кузнецом (*S. Kuznets, 1966*), нам достаточно лишь факта долгосрочного превышения показателя экономического роста над показателем темпов роста населения. Долгосрочные, многовековые периоды экономического роста, вероятно, имели место и в прежние эпохи, но приводили, как в эпоху неолита, не к улучшению условий жизни, а главным образом к быстрому росту населения, подтягивавшемуся к новым возможностям жизнеобеспечения. Разрыв между этими показателями (в последние 100 лет связь между темпами прироста населения и роста ВВП устойчиво негативна) является важной характеристикой экономического роста последних веков. Таким же, как его неравномерность, бросающаяся в глаза и поставившая сравнительный межстрановой анализ, в том числе и анализ институтов, в центр внимания исследователей.

Конституция – глубоко укоренившийся и принятый подавляющим большинством агентов⁷ набор основных ценностей и норм, касающихся взаимодействия между этими агентами, их обязательств и прав, как формальных, так и неписаных, изменяемых с максимальными издержками⁸ или неизменяемых вовсе⁹. Важно отметить, что речь идет не о наличии Конституции как документа. Сам по себе документ может ничего не гарантировать, как в СССР. Напротив, при отсутствии писаной Конституции может

⁶ Этим определением мы включаем в рассмотрение «вычеркнутый» определением Д. Норта весь набор институтов, базирующихся на библейских моральных нормах, находящий в них стабильную, не зависимую от воли властей легитимацию. Набор институтов, основанных не на идее «государственно разрешенных привилегий», пускай даже дарованных парламентом или референдумом, но не выше зафиксированных прав, при которых «congress make shall no law...» («Конгресс не должен принимать законов ...») – общезапретительный для органов власти принцип, заложенный в первой же фразе Первой поправки к Конституции США.

⁷ Можно сказать также, что это нормы, применяемые (реализуемые) с минимальными (близкими к нулевым) издержками.

⁸ Изменение занимает десятки лет, как минимум.

⁹ Так, Библейские ценности, лежащие в основе институтов США, изменены быть не могут. Изменения в Конституции США не как формального юридического акта, а как совокупности норм, в соответствии с данным выше определением в среднесрочном периоде осуществлены быть не могут, поскольку нуждаются в изменении «мягкой инфраструктуры», которая достаточно инерционна. Большинство американцев верят в Бога, в частную собственность и свободное предпринимательство, не уверены в неоспоримости теории Дарвина. Даже большинство левых американцев считает, что уплата налогов связана с правом голоса – т.е. по-прежнему «Taxation» и «representation» связаны нерушимо, несмотря на то, что формально эта связь упразднена 24-й поправкой в 1964 г. и т.д.

существовать определенный набор общепризнанных и общеобязательных норм, как в Великобритании.

Под «*обществом Rule of Law*» будем понимать, если специально не оговорено иное, общество, управляемое в соответствии с общеизвестными или, по крайней мере, заранее опубликованными правовыми нормами¹⁰. Эти нормы основаны на приоритете базовых индивидуальных прав и свобод над коллективными и государственными интересами. В таком обществе обеспечиваются необходимые гарантии индивидуальных прав и осуществление указанных норм на практике, в том числе с использованием силового принуждения.

Среди таких гарантий – независимость суда, которая обеспечивается законами, традициями и проявляется в том, что государство в лице высших должностных лиц и органов может проиграть в суде частному лицу общественно значимый и широко обсуждаемый процесс¹¹ (т.е. упоминание о котором легко найти в архивах прессы). Примером может служить решение Верховного Суда США о незаконности процедуры принятия решений о задержании террористов на военной базе Гуантанамо¹², создавшее серьезные проблемы для администрации США.

Общества и страны Rule of Force – в них власть «легитимизирует» себя исключительно силой, способностью и волей применять в критической ситуации насилие. В этих странах и обществах институты-законы, нормы вытесняются институтами-механизмами, причем «прямого действия», институтами правоприменения, наделенными исключительными полномочиями.

Под *базовыми индивидуальными правами и свободами* понимаются: неприкосновенность личности в широком смысле этого слова, включая право на жизнь; неприкосновенность личности, публично критикующей власть или исповедующей неодобряемые властью религиозные ценности; частная собственность, включая свободу ценообразования и свободу торговли, – все это в точности совпадает с набором

¹⁰ То есть нормы могут быть как не писаной, но общепринятой традицией, могут основываться на прецедентном решении суда, могут быть формально принятым представительным органом власти или референдумом законом.

¹¹ Проигрыш в суде государственного учреждения или предприятия по трудовому спору или по имущественному спору (т.е. по малозначимым вопросам) мог иметь место и в тоталитарных государствах, включая СССР (к примеру, случаи восстановления на работе по суду и тогда не были редкостью, причем истцом по таким делам выступало физическое лицо, а ответчиком – государственное предприятие или организация).

¹² Решение по делу *Hamdan vs. Rumsfeld*, 04-702; решение объявлено 29 июня 2006 г.

«естественных прав», описанных Д. Локком (*John Locke 1698*)¹³. Ограничения обществом упомянутых прав практикуются исключительно с целью обеспечить разграничение прав частных лиц для предотвращения нанесения ущерба одними лицами другим и лишь на основе принятого в заранее установленном порядке и опубликованного нормативного акта.

Базовые права и свободы, а также нормы и правоприменительные структуры, гарантирующие исполнение базовых прав и свобод (независимый суд, гарантии независимости судей – несменяемость, запретительно высокие издержки отстранения и т.п.; прозрачность деятельности правоохранительных органов; судебная санкция на арест и т.п.), в совокупности определим как институты, приоритетные с точки зрения заимствования, строительства, защиты, – как **базовые институты**¹⁴.

Для того чтобы лучше представлять себе возможность и издержки такого заимствования, строительства, укоренения и защиты, необходимо оценить отношение к ним большинства агентов, готовность этих агентов следовать новым правилам, поддерживать их или сопротивляться им. В связи с этим нам пригодится следующее определение.

Спрос на институты (выявленный) (*revealed demand for the institutions*) – действия населения или его части по приобретению или защите определенных наборов институтов (голосование за те или иные партии, формально рассортированные по отношению к базовым институтам на выборах, участие в финансировании таких партий, участие в предвыборных кампаниях, в массовых акциях) с требованием введения или отмены определенных норм и т.п. – соответственно определяем и величину спроса как положительную или отрицательную.

¹³ См. «Concerning civil government, second essay». К примеру, пункт 87 в 7-й главе «Of Political or Civil Society» [выделения автора]:

“87. **Man being born**, as has been proved, **with a title to perfect freedom and an uncontrolled enjoyment of all the rights and privileges of the law of Nature**, equally with any other man, or number of men in the world, hath by nature a power not only to preserve his property - **that is, his life, liberty, and estate...**” (Человек рождается свободным, как это было доказано, с пожалованными совершенной свободой и неконтролируемой возможностью пользоваться правами по привилегии и в силу закона Природы, равно как и любой другой человек или группа людей в мире, имея природное право не только защищать принадлежащее ему – то.е. свою жизнь, свободу и имущество...).

¹⁴ К небазовым, соответственно, относятся форма государственного устройства, большая часть норм частного права – предпринимательского, семейного и т.д.

*«Левый» политик*¹⁵ – в данной книге это некоторый «идеальный» тип политика в демократическом правовом государстве (или в государстве с молодой демократией), который выступает за расширение функций государства за пределы поставки «чистых общественных благ» и рассматривает эти новые функции (преимущественно – поставка частных общественных благ и действия по контролю за рынками и поведением граждан по некоторым направлениям – см. ниже) как основные для современного государства (по предлагаемой ими структуре расходов бюджета); соответственно он требует высоких налогов (на «богатых»). То есть доходы, по его мнению, должны облагаться по «прогрессивной ставке». «Левый» политик считает, что граждане нуждаются в защите от рынка и от свободной конкуренции, исходит из презумпции ограниченной дееспособности граждан и презумпции полной или значительной, превышающей информированность граждан информированности государства. Следовательно, такой политик уверен в благотворности государственного регулирования (в частности, деятельности бизнеса) и любые провалы такого регулирования объясняет его неполнотой, невсеохватностью. Иными словами, он с подозрением относится к частной собственности и свободе контракта, предпочитает равенство результатов равенству возможностей.

*«Правый» («консервативный») политик*¹⁶ – на практике встречается гораздо реже, чем описанный выше его антипод; соответственно он обладает практически зеркально противоположными взглядами и предпочтениями. Он считает, что единственными функциями государства являются функции «ночного сторожа» (исключительно поставщика «чистых общественных благ»), при этом даже они (включая насилие) не являются монополией. Компактное государство взимает прямые налоги по невысокой плоской ставке. Государство не вмешивается в частные дела – будь то бизнес, община или семья, – по причине либо моральной (см. соответствующую главу), либо прагматической. Последняя – предположение о том, что провалы государства в этих сферах в силу проблем с мотивацией и информированностью будут значительнее, чем провалы рынка и частных лиц.

¹⁵ По совокупности этих признаков такого политика в консервативной прессе иногда называют коммунистом. Следует, однако, оговориться, что заметное количество таких политиков появляется после конца 1960-х годов. Левые политики демократических стран начала – середины XX века зачастую выступали против частной собственности и свободы предпринимательства, однако редко демонстрировали комплексное отторжение всех базовых институтов. Такое отторжение – хотя и в мягкой форме – характерно для левых политиков последних четырех десятилетий.

¹⁶ По мере «мягкой радикализации» левых политиков происходило размывание позиций их оппонентов по многим вопросам. Это и привело к тому положению, что политик, обладающий всеми перечисленными свойствами, встречается редко и имеет обычно репутацию экстремиста.

Почему устойчивые системы оказываются неустойчивыми

В данной книге мы не намерены соревноваться с Л. фон Мизесом и Ф. Хайеком, не говоря уже о А. Смите, Ш. Монтескье, Ф. Бастиа, Р. Кобдене в разъяснении причин неизбежности фиаско социалистических и вообще этатистских систем. Систем, которые долгое время казались дивизиям и армиям «советологов» незыблемо прочными и стабильными (Р. Пайпс, 2005).

Однако вопрос о том, почему нестабильной оказалась классически либеральная система компактного государства – «ночного сторожа» XIX века даже в защищенных проливами и морями Великобритании, США, Австралии и Канаде, имеет принципиальное значение.

Эта нестабильность, пока проявляющаяся в отдельных сферах (например, постоянный рост государственных расходов на «общественные блага», означающий увеличение налогового давления на работающего гражданина или сокращения расходов на профильные функции государства вроде обороны; или проходящая с переменным успехом в разных странах борьба за «право» не иметь частного образования и здравоохранения), по нашей оценке, может существенно вырасти, так как логика ограничения одних базовых прав ведет к ограничению, со временем, всех прав, кроме прав всезнающего государства, а конкретно – выступающего от его имени чиновника.

О причинах бедности народов

При анализе конкретных примеров и ситуаций зачастую удобнее оперировать от обратного, анализируя примеры последствий отсутствия надлежащей защиты от насилия и конфискации.

Выделенное Р. Пайпсом ((2000) главным образом на примере России) представление любого деспота о том, что любое имущество и любая жизнь на подконтрольной территории является его собственностью, очевидно, отражает долгосрочное существование институтов, эффективно предотвращающих экономический рост даже под властью «стационарного бандита» (*Олсон, Olson, 2000*). Приписываемая Гитлеру фраза о том, что он не социализирует собственность в Германии потому, что уже социализировал людей, звучит в свете этого не только правдоподобно, но и весьма разумно¹⁷.

¹⁷ Особенно зловеще она звучит в контексте современных претензий государства на знание «блага ребенка» лучше родителей и стремление принудительно социализировать его (даже вопреки воле родителей, под страхом наказания последних и даже насильственного отъема ребенка).

Современные разбойники: группы специальных интересов

В правовой демократии не исчезают люди, имеющие явно выраженные склонности к социальному паразитизму, считающие самостоятельный труд и заработок чем-то малопрестижным. Популярный среди части левых интеллектуалов терроризм сопряжен с высоким уровнем личного риска. К тому же иногда правовая демократия бывает в состоянии давать жесткий отпор обычным «бродячим бандитам» (т.е. резко повышать уровень такого риска для них). Однако для тех, для кого риски «пасть за левое дело» кажутся неприемлемыми, остается возможность осуществить частичный «захват» государства с тем, чтобы использовать его для извлечения административной ренты. Тогда насилие можно перепоручить специально обученным людям – либо чиновникам и полицейским, либо, наоборот, натуральным бандам (при фактическом запрете чиновникам и полицейским вмешиваться).

Поведение групп людей, специализирующихся на насильственном перераспределении «в рамках законности», мы подробно рассмотрим ниже в обзоре, начиная с работ М. Олсона, который ввел и подробно описал понятие «групп специальных интересов».

Захват государства (отдельных его блоков), внедрение в его институты позволяет им эксплуатировать возможности налагать ограничения и регулирование, а при необходимости использовать и силу. Но только силу, «легитимизированную» выборами и современной судебной процедурой. Кроме того, силу несоизмеримо большую, нежели та, которая доступна любой гангстерской банде или дружине «бродячего бандита».

При этом подобные современные банды не обладают долгосрочным интересом династического владыки, а потому способны в течение жизни одного–двух поколений приводить в упадок целые отрасли и угрожать перспективам продолжения устойчивого экономического роста крупных развитых стран¹⁸.

К сожалению, Россия, не построив институты правовой демократии, уже успела обзавестись значительным числом влиятельных групп специальных интересов.

Почти за каждым видом избыточного регулирования и иного вмешательства государства в жизнь частных лиц (рыночные агенты) стоит интерес группы, чье благосостояние увеличивается ценой потерь для общества – снижения возможностей экономического роста.

¹⁸ Например, коалиции мелких перевозчиков, пролоббировавшие регулирование железнодорожного транспорта в 30–70-е годы XX века в США; профсоюзы в автомобилестроении XX – начале XXI века там же – см. подробнее в Главе о группах интересов.

Эта схема – частный интерес против возможностей экономического роста – работает также и в странах, управляемых «бродячими» или «стационарными бандитами», с той лишь разницей, что спектр воздействия на частных лиц существенно шире и включает самые разнообразные формы насилия. Соответственно, разнообразнее и возможности изъятия ресурсов. В таких, как правило, весьма небогатых обществах, неизмеримо меньше объемы максимально возможного изъятия.

Возможности политиков (не говоря уже об их советниках) в правовом государстве ограничены, в том числе и интересами групп «охотников за рентой». Игнорировать это ограничение можно, только если группы, противостоящие борцам за извлечение административной ренты, не окажутся политически и организационно сильнее. В неправовом же государстве, в обществе, где власть основана на насилии, убедить ее отказаться от извлечения ренты в ущерб деловому климату можно с тем же успехом, что убедить волка не есть ягненка. Действительно, в таком обществе насилие и жестокость – необходимые средства и сигнал, подтверждающий решимость применять средство как для самосохранения власти, так и в качестве универсального ключа ко всем дверям, рычага для получения всех (пускай и крайне скудных) ресурсов страны. Отказ правителя от насилия и жестокости почти автоматически означает переход власти к иному насильнику.

О структуре книги

*«Все счастливые семьи похожи друг на друга,
каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».*

Л. Толстой «Анна Каренина» (ч. I, гл. I)

Как и счастливые семьи, «устойчиво успешные»¹⁹ экономически государства имеют куда больше общего, нежели отличий. Все они надежно защищают частную собственность каждого гражданина и каждой фирмы, даже если гражданин неприятен лично президенту, премьеру, губернатору, королю или иному «сильному человеку». Суд и закон в таких обществах сильнее самого сильного лидера и потому, как отмечал еще А. Смит, «... прежде всего, честная и беспристрастная правовая система, которая делает

¹⁹ «Устойчиво успешные», конечно же, понятие динамическое. Уклонение от «рецепта успеха», выписанного А. Смитом, не всегда немедленно приводит к обеднению или к снижению темпов роста. Однако, как показывает исторический опыт, подавляющее большинство богатых стран соответствовало приведенному требованию как минимум на этапе до выхода на уровень высокоразвитой страны, например, Сингапур до 1989 г.

права низших в Британии ... уважаемыми высшими и которая, обеспечивая охрану плодов труда и предприимчивости каждого человека, дает самый сильный стимул к развитию всех видов экономической деятельности»²⁰.

В то же время путей и способов предотвращения долгосрочного стабильного экономического роста за тысячелетия человеческой истории изобретено множество. И процесс изобретения новых, кажется, неостановим. «После краха коммунизма ... все в мире ... согласны, что социализм – был провалом..., капитализм – ... успехом. Забавно, что все западные страны сделали из этого очевидный вывод, что Западу нужно больше социализма», – недоумевал в 1993 г. М. Фридман²¹.

Описанию и анализу всевозможных способов и институциональных препятствий, которые могут надежно заблокировать экономический рост, посвящены первые три раздела книги.

Первый раздел рассматривает проблемы, с которыми сталкиваются отсталые страны, пытающиеся догнать передовые, в том числе, пытаясь модернизировать свои институты. Наиболее распространенной проблемой таких стран (прежде всего постсоветских) является отставание институтов, обеспечивающих охрану правового порядка и правосудие. Анализ этих проблем и обоснование рекомендаций по их разрешению на основании опыта старых правовых демократий приведены в *Главе 1*.

Сама возможность проведения реформ вовсе не гарантирована удачным стартом даже на среднесрочный период. Это подтверждается опытом постсоциалистических стран 1990-х годов, где после успехов нередко происходили откаты реформ вследствие смены политического курса, поражения реформаторов на выборах, потери общественной поддержки реформ.

Проблемы, связанные с расширением окна возможностей реформ, а также спроса, предъявляемого населением на те или иные институты (прежде всего, на выборах),

²⁰ "...but above all, that equal and impartial administration of justice which renders the rights of the meanest British subject respectable to the greatest, and which, by securing to every man the fruits of his own industry, gives the greatest and most effectual encouragement to every sort of industry". Book 4, Chapter VII "Of colonies", part III "Of the Advantages which Europe has derived from the Discovery of America, and from that of a Passage to the East Indies by the Cape of Good Hope". http://www.richmondfed.org/publications/economic_research/the_relevance_of_adam_smith/

²¹ "After the fall of communism, everybody in the world agreed that socialism was a failure. Everybody in the world, more or less, agreed that capitalism was a success. The funny thing is that every capitalist country in the world apparently concluded that therefore what the West needed was more socialism". "The Real Free Lunch: Markets and Private Property". *Speech given at the opening of the Cato Headquarters in Washington, D.C., May 6, 1993.* <http://www.cato.org/speeches/sp-mf050693.html>

рассматриваются в *Главах 2 и 3*. *Глава 4* посвящена деятельности и стимулам групп специальных интересов как важному фактору, влияющему на темпы и результаты реформ.

Во втором разделе проводится анализ способности государства поставлять «чистые общественные блага» (оборону, безопасность, правосудие) в ситуации внешнего шока. *Глава 5* посвящена вызовам политического насилия, стимулам такого насилия (террора) и возможным стратегиям блокирования и слома таких стимулов.

Среди детонаторов социальной напряженности, угрожающих порой разрушением или существенным ослаблением институтов частной собственности, нельзя не выделить финансовые кризисы с разорениями банков, инвестиционных фондов и т.п., потерей сбережений миллионами агентов (включая тех, кто не делал рискованных вложений). В *Главе 6* анализируются институты финансового рынка и их связи с экономическим ростом. Следует оговориться, что в общем случае такие шоки не обязательно имеют внешнее происхождение, в особенности для больших экономик.

В *Главе 7* рассматриваются ситуации, при которых демократическое государство становится экономически независимым от избирателя и потому теряет стимулы защищать его. В *Главе 8* проанализированы проблемы, связанные с адаптацией мигрантов, с акцентом на стимулах новых граждан демократических стран принимать, поддерживать эффективные институты правовых демократий или подрывать и коррумпируют их.

Третий раздел посвящен некоторым возможным следствиям кризисных явлений, рассмотренных во втором разделе, а также кризису института семьи.

Раздел начинается с важного странового наблюдения – модернизации Китая и ее перспектив, динамики делового климата и надежности долгосрочных его гарантий в этой стране. В *Главе 9* показана принципиальная неустойчивость институтов авторитаризма и их ограниченная эффективность во всем, кроме обеспечения кратко- и среднесрочной политической стабильности.

Анализ идеологических вызовов тоталитаризма начала XXI в. показывает, как новые идеологии (феминизм, мультикультурализм и т.п.) влияют на институты, благодаря которым западный мир стал богатым и свободным (*Глава 10*).

Глава 11 посвящена анализу феномена ограниченной («закрытой») демократии, т.е. демократии со значительно ослабленной политической конкуренцией, при которой избиратель может выражать недовольство властью, но бессилён заставить власть отказаться от ее политики (поменять власть на выборах). В ней показано, что ослабление политической конкуренции связано с ослаблением конкуренции на медиарынке. В частности, подтверждается предположение, высказанное в *Главе 2*, о преимуществе

конкурирующих частных СМИ над паллиативом обеспечения свободы слова посредством создания «общественных» теле- и радиоканалов.

В *главе 12* данного раздела рассматривается кризис института семьи как одного из главных объектов атаки этатистских групп (во главе с «левыми» политиками) современного Запада и их союзников в других странах. Здесь показано, как кризис семьи подрывает возможность воспроизводства спроса на институты правовой демократии и поддержания доверия в экономике.

Четвертый раздел призван обосновать рекомендации преодоления кризисов и укрепления институтов, обеспечивших современный экономический рост. Эти рекомендации нацелены на предотвращение, насколько это возможно, новых угроз и вызовов устойчивости упомянутых институтов.

Глава 13 анализирует роль «неформальных» институтов и прежде всего морали. В этой главе на исторических примерах показана роль морали в поддержании основных институтов капитализма. Здесь рассматриваются актуальные примеры сообществ, поддерживающих внутри себя нормы библейской морали и обеспечивающих такой уровень доверия, который дает важное преимущество лицам, придерживающимся определенных моральных норм и сигнализирующим об этом.

Стимулы избирателя вести себя ответственно и ограничивать безответственную экспансию государства связаны с фундаментальным выбором между демократией всеобщего избирательного права и демократией налогоплательщика. *Глава 14* показывает, какие стимулы возникают в обоих случаях. В главе показано, что фундаментальное, конституционное ограничение функций государства поставкой «чистых общественных благ» является важным направлением защиты институтов капитализма.

Основные выводы и рекомендации повторяются в **заключении**. Здесь подчеркивается взаимосвязь предлагаемых рекомендаций и важность пакета мер, предотвращающих блокирование преобразований.

К Главе 1 – Отсутствующее государство: провалы правовой системы, зависимые и коррумпированные суды, полиция и спецслужбы

Глава 1 посвящена провалам государства с переходной экономикой и слабой демократической традицией при поставке «чистых общественных благ», к каковым относят оборону, безопасность и правосудие. Иными словами, тема этой главы – институты, создающие (или не создающие) саму возможность существования реальной, а не только номинальной частной собственности, т.е. существования таких гарантий

частной собственности, которые начинаются с самого частного собственника, распространяются на его достоинство и имущество. Гарантий, при которых у частного собственника нет необходимости «прижиматься» к государству и соответственно открывается возможность для четкого определения границ собственности.

В *Приложении 1* предпринята попытка оценить по статистике ВВП начиная с 1820 г. влияние таких гарантий на экономический рост. Государство, власть которого ограничена независимым судом (наличие/отсутствие учитывается как логическая переменная) и может проигрывать в нем дела, лучше защищает права собственника. На исторически продолжительных интервалах этот фактор обеспечивает стабильность темпов роста, что отличает рывки вдогонку, совершаемые под руководством государства и приводящие сначала к заметному ускорению развития, а затем к тяжелому и продолжительному кризису, «съедающему» все достижения. Так, подушевое ВВП России на исторически длительном интервале не приближается к странам-лидерам. Отношение ВВП России к аналогичному показателю Великобритании в 1820 г. превышало 40% (по паритету покупательной способности – см. *табл. 1*). В дальнейшем, несмотря на все отчаянные попытки и невероятно высокую цену индустриализации, отставание на 186-летнем интервале не сократилось. Аналогична ситуация и для Китая.

Таблица 1

**Отношение ВВП России и Китая к ВВП стран-лидеров
(в %, по паритету покупательной способности)**

	1820 (Великобритания)	1900 (США)	1913 (США)	2006 (США)
Россия	40,5	30,2	28,1	22,0
Китай	35,3	13,3	10,4	19,5

Источник: Мэддисон, 2009 http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09-2008.xls.

В известном смысле, само современное представление о полноценной частной собственности включает предпосылку о неприкосновенности собственника. Без нее отличие формального титула собственности от средневекового «условного держания» становится малозаметным.

Такая неприкосновенность обеспечивается поставкой государством трех классических «чистых общественных благ»:

- оборона (защита собственника от внешней агрессии),
- безопасность,
- правосудие (защита собственника от произвола и насилия внутри страны).

Создание и поддержание боеспособной армии, некоррупцированной полиции и независимого, подчиненного только закону суда являются задачами первостепенной важности при проведении реформ. Их вклад в саму возможность стабильного долгосрочного экономического роста трудно переоценить.

К сожалению, качество судебной системы и правоохранительных органов в России остается удручающе низким. И это несмотря на целый ряд попыток реформ и на отдельные несомненные достижения. В первой половине 1990-х годов, в том числе в короткий период «окна возможностей», основное внимание реформаторов было приковано к экономическим реформам – финансовой стабилизации и приватизации, т.е. к проблемам, угрожавшим немедленным взрывом или (как в случае с приватизацией) имевшим какие-то варианты решений, апробированных постсоциалистическими странами, приступившими к реформированию раньше.

В международном экспертном сообществе понимание важности реформ судебной системы и правоохранительных органов пришло существенно позднее. Ярким примером является А. Шляйфер и его коллеги – авторы серии признанных работ в сфере экономического значения судебных институтов. Большинство этих работ приходится на конец 1990-х – начало 2000-х годов и не имеет почти никакого отношения к России и к ее опыту, несмотря на работу самого А. Шляйфера в России в качестве советника.

Между тем, значимые и прочные достижения в создании благоприятного делового климата оказываются невозможны без создания независимого суда и некоррупцированной полиции, т.е. без проведения реформ, основанных на использовании доказавшего эффективность опыта, как отечественного, так и других стран. В *Главе 1* обосновывается выбор набора институтов, как судебных, так и правоохранительных, на основе институтов стран обычного права. Тем более что часть из них была впервые заимствована еще в ходе реформ Александра II и успешно работала в России в течение десятилетий.

При проведении таких реформ необходимо быть готовым к подавлению окрепших за последние 15–20 лет групп специальных интересов. Проблемы, связанные с деятельностью таких групп, а также политические риски при проведении реформ рассмотрены далее в *Главах 2–4*.

К Главе 2 – Кривое зеркало

Могут ли отсутствие свободы слова, монополизированный медиарынок и политизированное образование воспрепятствовать экономическому росту? По всей

видимости, да и весьма существенно. Управляемые или даже пристрастные СМИ и превращенное в канал пропаганды образование не только наносят урон воспроизводству качественного человеческого капитала. Они ослабляют гарантии неприкосновенности личности, без которых, как мы показали в *Главе 1*, невозможно надежно защитить частную собственность.

Государственные, «общественные» либо просто зарегулированные государством СМИ вместо системы конкурирующих источников информации превращаются в систему навязывания зрителю системы патерналистских взглядов (описанных нами во *Введении* как присущих идеальному «левому политику»). Государственная школа и политизированные профсоюзы учителей (это проблема развитых стран, но вполне следует ожидать, что и в России вслед за агрессивными профсоюзами на крупных предприятиях могут создаваться их аналоги и в системе образования) снимают с учителя ответственность за образование как таковое. Зато возлагают на учителя обязанность подвергать учеников идеологической индоктринации того же идеологического направления под видом «социализации».

Разрушение конкурентного медиарынка ослабляет демократические институты и принципы, что размывает политическую конкуренцию и разделение властей. Ослабление политической конкуренции и разделения властей²², в свою очередь, ведет к ослаблению гарантий частной собственности. Последствия слабости таких гарантий описаны выше и в *Приложении 1*.

Кроме того, несовершенный медиарынок не обеспечивает прозрачности как государственных, так и частных учреждений и организаций, а потому ведет к снижению уровня доверия рыночных агентов друг к другу, переоценке в сторону повышения рисков сделок, следовательно, к отказу от значительной части потенциально прибыльных сделок. Отставание стран ЕС по темпам роста от США в последние десятилетия отчасти объясняется именно худшим качеством медиарынка, а не только более изощренным регулированием и тяжелым налоговым прессом. В ряде исследований и на примере России показано, что существует заметная положительная корреляция экономического роста на региональном уровне и наличия свободных СМИ в регионе²³.

²² Во многих молодых демократиях относительно слабой является судебная власть. В некоторых из старых, напротив, она открыто стремится к гегемонии при поддержке доминирующих медиахолдингов – холдингов, чье доминирование строится либо на принудительном финансировании («общественные» СМИ Европы и Канады), либо на ограничении конкуренции на медиарынке в пользу группы телеканалов (США).

²³ В. Мау, К. Яновский, С. Жаворонков и др. Политические и правовые источники инвестиционных рисков в российских регионах (ИЭПП, СЕРРА, 2002). Анализ не включал в себя регионы со столичной рентой

Искажение функций школы ведет, кроме описанных эффектов размывания демократии, к очевидному снижению качества рабочей силы. Соответственно – к отказу от части проектов в силу нехватки специалистов должной квалификации (что то же самое – «завышенной» по сравнению с нормальной ситуацией ценой на услуги соответствующих специалистов). Безусловное лидерство США в науке и технике, в динамике и объемах продаж интеллектуальной собственности, по всей видимости, может быть в значительной мере объяснено преимуществами медиарынка этой страны.

К Главе 3 – Проблемы спроса на институты: как удержать открытым окно возможностей

Недостаточно иметь хорошо продуманную программу экономических реформ. При минимальной политической поддержке можно быстро либерализовать цены. При формировании сбалансированного бюджета требования к уровню и продолжительности политической поддержки реформаторов значительно выше. Для проведения комплекса мер, не сводящегося к финансовой стабилизации, для строительства институтов, дающих возможность защитить частную собственность, требуется долговременная и относительно стабильная политическая поддержка. При демократии – своя надежная электоральная опора, база реформ. Глава 3 посвящена анализу последствий провалов в поиске политической поддержки, в формировании электоральной базы и тому, что можно попытаться сделать для «расширения окна политических возможностей» при проведении реформ.

Неудачи многих попыток преобразования в странах с переходной экономикой и в некоторых странах «закрытой ("полуторапартийной") демократии» по строительству нормального, дееспособного²⁴ государства имеют среди прочих относительно простое политико-экономическое объяснение.

Попытки частичных и ограниченных реформ легко блокируются теми, кто контролирует судебную систему, правоохранительные органы и медиарынок, а также крупные государственные компании, становящиеся донорами антиреформаторских коалиций. Даже уникальный лидер с выдающимися волевыми качествами не способен

(Москва, Санкт-Петербург) или сверхвысокой долей сырьевой ренты (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий округа).

²⁴ Критерием «нормальности» и дееспособности является выполнение основных функций – обеспечения безопасности граждан-налогоплательщиков, нанимающих государственных служащих для решения, прежде всего, этой задачи. В экономической терминологии – государство должно обеспечить поставку гражданам «чистых общественных благ» (*public goods*) – оборона, безопасность и правовой порядок по разумной цене (т.е. при умеренных налогах и сбалансированном бюджете).

продлить свой мандат, регулярно терпя неудачи²⁵ и испытывая давление судебной системы и полиции. Обычный лидер, преследующий вполне легальный интерес, чтобы продлить свой мандат еще на 1–2 срока, вынужден будет искать компромиссы.

Как показано ранее (*Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2003*), отсутствие мощной и устойчивой прореформистской коалиции, как правило, парализует реформы в урбанизированной среднеразвитой стране. Сравнительный анализ переходных экономик 1990-х годов, включая статистический, показал, что страны, в которых такие коалиции сложились еще на этапе антикоммунистической революции, преодолели постреволюционный спад за несколько лет и ныне развиваются относительно стабильно и успешно (Польша, Чехия, Словакия, Словения, Эстония). В странах, где такие коалиции не сложились либо оказались неустойчивыми (Болгария, Молдавия, Россия, Румыния, Украина), переход оказался сопряжен с большими потерями, а экономический рост не отличается устойчивостью.

Это объясняется тем, что институты, обеспечивающие наилучший деловой климат, если они не унаследованы от многих предшествующих поколений, не успевают сложиться и начать эффективно функционировать в условиях отсутствия политического давления, иными словами, в условиях отсутствия спроса на такие институты.

Напротив, если группы, заинтересованные в перераспределительных практиках в установлении барьеров для предпринимательской деятельности (так как без таковых не в состоянии выжить в конкурентной борьбе), успешно мобилизуют политическую поддержку, они способны заблокировать реформы, закладывающие основы дружественных рынку институтов.

Если же такие группы изначально имеют поддержку в СМИ и (или) в судебной системе, в правоохранительных органах, им несложно заблокировать реформы, даже поддержанные большинством избирателей. Как показывает опыт ряда стран, включая отдельные развитые (*Глава 10*), несколько уголовных дел в сочетании с мощной кампанией в прессе, как правило, в состоянии сломить волю реформаторов и предотвратить либо выхолостить предлагаемые реформы.

²⁵ Хотя бы и мнимые – исключительно в отображении СМИ.

Богатство конкретного индивида далеко не всегда прирастает его трудолюбием и талантами, проявляющимися в нахождении платежеспособного спроса на товары и услуги на свободном рынке. Сильный, жестокий и не обремененный ограничениями (правовыми и моральными) субъект может просто отобрать силой приглянувшееся добро. Ключевое значение сохранности собственника на свободе, живым и здоровым для успешного ведения дел и, соответственно, благоприятного бизнес-климата мы уже подчеркивали выше, в *Главе 1*. На некоторых особенно опасных в силу ряда институциональных особенностей современного постиндустриального общества технологиях такого отбора мы подробнее остановимся в следующей главе.

В государстве, правительство которого ограничено законом и которое в состоянии выполнять государственные, в узком смысле слова, функции – поддержание закона и порядка – «бродячий бандит» в классическом виде не выживает. Если, конечно, не в состоянии завоевать такое государство. Даже если собственно полицейские функции даются государству с трудом (пример Калифорнии периода «Золотой лихорадки»), возможности насильственного перераспределения имущества весьма ограничены.

Результаты эмпирических психологических исследований отношения людей к риску и неопределенности, полученные Канеманом и его коллегами (*Kahneman, Slovic, Tversky, 1982*), предопределяют «несоразмерно большую» склонность подавляющего большинства рыночных агентов инвестировать в защиту своей собственности.

Это значит, что склонный к риску представитель меньшинства имеет выбор – использовать свою склонность и предприимчивость (если таковая имеется) для удовлетворения потребностей окружающих либо попытаться отнять себе их собственность в ситуации, когда они будут этому сопротивляться. Причем сопротивление свободных рыночных агентов будет достаточно эффективным. Это обусловлено институциональными возможностями свободного человека в свободной стране (организовать полицейские силы, нанять охранную фирму, приобрести оружие и укрепить свой дом).

Однако применять силу для обогащения перераспределением можно и, не вынимая меча из ножен. Наиболее распространенный способ – использование в качестве меча всего государственного аппарата, а в качестве прикрытия процесса – заботу о нуждающихся,

защиту уязвимых, малоинформированных, слабых, больных, недостаточно развитых и ответственных экономических агентов (сограждан) от всевозможных угроз.

Лучше всего «продается» обществу защита детей, женщин (смотри подробнее *Главу 11*). Неплохо «идут» животные, национальные и иные меньшинства, неразумные потребители, больные физически и психически и т.д. Защита природы в целом, а также «от всеобщего потепления», защита от техногенных катастроф типа «проблемы 2000 года» или иной связанной с асимметрией информации и возможностью манипулирования проектом – все это весьма удачное поле деятельности такого рода групп, поскольку за глобальностью проблем легко прятать плохо обоснованные расходы.

Среди наиболее бедных и нуждающихся в защите нередко оказывались и вполне богатые и сильные. К примеру, дружественные властям предприниматели. Среди последних часто были заметны банкиры (*De Coto X.V., 2008*). Уже с конца XIX в. государство стало обещать, а впоследствии и оказывать помощь неудачникам-предпринимателям под флагом борьбы за конкурентность рынков против монополий (*Арментано, 2006*).

Чем шире круг лиц, нуждающихся «по неразумности» в защите, тем легче обосновывать регулятивное вмешательство, рост государственного аппарата, увеличение государственных страховых программ, иных расходов бюджета. Инициаторами такой экспансии могут выступать предприниматели, пользующиеся административной защитой своего рынка и (или) поддержкой из бюджета, т.е. группы интересов могут включать наряду с бюрократами также и бизнесменов, журналистов, политиков, гражданских активистов. В странах, где существуют крупные государственные компании – монополисты, они также становятся отдельными акторами, несмотря на свою формальную подотчетность государству (здесь можно вспомнить примеры политической активности «Газпрома» во второй половине 1990-х годов).

Механизм воздействия экспансии групп специальных интересов на экономический рост описан М. Олсоном (*Olson, 1982; Олсон, 1994*). Предположим, существует принципиальная возможность перераспределительных инициатив либо «защиты потребителя» (естественно, ограниченно дееспособного). «Защита» осуществляется с помощью барьеров входа на рынок или регулирований. Такая возможность означает отсутствие запретительно-высоких издержек принятия соответствующих решений. Эти решения обременяют большинство рыночных агентов и дают выигрыш небольшой группе. Если группа сильно мотивирована (выигрыш достаточно большой), а большинство слабо (потери каждого от введения регулирования, барьера), стимулы

группы могут «перевесить» интересы большинства. Меньшинство сильно мотивировано и не несет значимых издержек по координации действий. Большинство слабо мотивировано и в силу многочисленности и отсутствия прямых личных связей несет весьма значительные издержки координации. Если издержки координации большинства агентов превышают потери каждого из них, коалиция большинства не складывается, и шанс на принятие решения, ущемляющего большинство, становится реальным. Успех каждого из проектов групп интересов стимулирует другие группы пытаться продвигать свои проекты. Рост и накопление таких проектов (регуляций и перераспределения доходов) размывают стимулы стремления к успеху, делают все большее число проектов нерентабельными. Обычно среди участников таких групп логично встретить относительно слабых предпринимателей и заинтересованных в расширении сфер ответственности и полномочий чиновников.

Олсон отметил, что именно так и происходит в обычной ситуации. Среди факторов, способствующих формированию групп интересов (на примере США), он отметил, в частности, урбанизацию. При этом события, ведущие к разрушению государственных структур и соответственно к ослаблению связанных с ними групп интересов, иногда могут снизить барьеры для экономической активности. Если рухнувшие институты замещаются аналогичными не худшего качества, страна, даже пережившая войну и поражение, но избавившаяся на время от паразитизма групп интересов, может заметно прибавить в темпах экономического роста. Именно так Олсон объясняет успехи Германии и Японии после Второй мировой войны и Южных штатов после Гражданской войны в США. Олсон и его коллеги определяют уровень влияния групп интересов косвенно через факторы, благоприятствующие или не благоприятствующие их росту. После чего проводят несложный статистический анализ взаимосвязи средних темпов экономического роста в зависимости от факторов, влияющих на развитие групп интересов. Статистическая зависимость оказывается отрицательной и значимой (лучше условия для роста групп интересов – ниже темпы экономического роста).

К Главе 5 – Новые и старые стимулы к разбою

Кроме тех групп, которые занимаются перераспределением внутри страны, существуют организации и даже целые государства, более или менее успешно занятые перераспределением от богатых и/или слабых стран себе. В отличие от внутренних «бандитов» «внешние» – суть классические «бродячие бандиты», по Олсону. Никакого

аргумента кроме насилия²⁶ или обоснованной угрозы такового они не предлагают. Выставляют попутно унижительные требования и претендуют даже не просто на дань, но едва ли не на власть над богатейшими и сильнейшими державами современности.

Насильственное перераспределение собственности с использованием государственного аппарата, к сожалению, было характерно для России на протяжении длительного периода ее истории (как и для большинства стран мира). Некоторые разновидности и технологии извлечения ренты путем насилия или угроз применения такового являются в наше время универсальными для всех индустриальных и более или менее богатых стран. В то же время, террор или угрозы его применения нередко являются поводом для чиновников шантажируемой страны инициировать сбор средств не только или даже не столько в оборону, сколько в оплату дани «бродячим бандитам».

Сама возможность получения доходов не созидательной деятельностью, находящей одобрение потребителя на рынке, а насильственным перераспределением, формирует систему стимулов, блокирующую возможности долгосрочного экономического роста (Мау, Яновский и др., 2003; Яновский, Затковецкий и др., 2005). Риски и угрозы человеческой жизни и свободе подрывают любые гарантии неприкосновенности частной собственности. Без последних, как признают практически все экономисты, устойчивый долгосрочный экономический рост невозможен.

Казалось бы, справиться с террористами легче, чем с защитниками «окружающей среды», «здоровья граждан» или «отечественного товаропроизводителя» внутри страны, потому что, в теории (увы, далеко не всегда на практике!), террористов можно физически уничтожать или лишать свободы. Однако терроризм уже многие десятилетия продолжает оставаться серьезнейшей угрозой. В *Главе 5* мы анализируем стимулы, возникающие у политических лидеров, журналистов, генералов и избирателей богатых демократических стран, по защите своей страны от внешней угрозы или отказу от защиты.

Силовые (технические) возможности большинства старых демократий по борьбе с террором блокированы усилиями групп, заинтересованных в уплате дани «бродячим бандитам», а не в борьбе с террором. Мы обнаруживаем, что реакции всех игроков – лидеров террористов, политических лидеров демократических стран, журналистов, военных и избирателей вполне рациональны при текущем состоянии институтов. Во многих странах с молодой демократией нероформированность и коррумпированность

²⁶ Смысл которого для бандитов – сигнализировать о своей силе и обеспечить дальнейшие успехи: усилить власть над контролируемым, лояльным населением, запугать пока неподконтрольное.

армии и правоохранительных органов препятствуют эффективному подавлению террористических группировок. Последние сами, без благоприятной для них конъюнктуры в развитых странах, отнюдь не представляют какой-то особенно серьезной угрозы нормальному развитию. В том числе экономическому.

Очевидно, что такое состояние политических, в частности, институтов, которое создает стимулы у значительных общественных групп капитулировать перед иноземными «бродячими бандитами», не может быть признано удовлетворительным и нуждается в реформировании. Немаловажной составляющей кризиса, приводящего к неспособности поставлять «чистые общественные блага», является кризис морали. В частности, попытка формулировать такие новые нормы, которые относят лидеров террористов к привилегированному меньшинству, подлежащему защите. Такого рода нормы активно продвигают и используют группы интересов и «левые политики».

В дальнейшем, в главах, посвященных связи делового климата, идеологии и морали, истоков кризиса демократического государства и института всеобщего избирательного права, мы снова вернемся к теме неспособности современного государства поставлять «чистые общественные блага».

К Главе 6 – Эффективность и качество институтов финансовых рынков

М. Олсон (*Olson, 2000*) отмечал, что страны с наилучшим образом защищенной собственностью и эффективными институтами управления имеют наиболее очевидные преимущества при обеспечении сложных, с большим числом участников и продолжительных транзакций. Не случайно финансовый сектор «несоразмерно» высоко развит в странах со старыми и зарекомендовавшими себя в глазах собственников институтами.

В современных эмпирических исследованиях отмечается, что страны с более развитыми институтами обладают большей устойчивостью к внешним шокам. Д. Родрик (*Rodrik, 1999*) продемонстрировал этот эффект в исследовании связи между качеством институтов и успешностью преодоления странами последствий «нефтяного шока» 1970-х годов. Согласно его результатам, наиболее успешно противостоять шоку и реализовать эффективную антикризисную стратегию удалось странам с эффективными институтами и сплоченными обществами. И, наоборот, неразвитые институты и наличие внутренних социальных конфликтов осложняли преодоление экономического кризиса.

«Сплоченность общества» вполне надежно измеряема самим фактом и продолжительностью наличия демократического режима (по критерию Пжеворского (*Przeworski et al, 2000*), см. *Глава 1* и *Приложение 1*). Именно такой режим, получающий санкцию избирателя на свою политику, на сбор налогов и на бюджетные расходы, может надеяться на лояльное отношение агентов-избирателей в период кризиса (если, конечно, большинство избирателей осознают себя налогоплательщиками, а не получателями помощи из бюджета (см. *Глава 14* описываемой книги)). Стимулы избирателя-налогоплательщика поддерживают способность власти балансировать бюджет и обеспечивать стабильность национальной валюты. Другим важным фактором и детерминантой инфляции является доверие рынка к денежным властям (в особенности при ее высоких уровнях). Инфляция в правовом государстве, управляемом налогоплательщиками, воспринимается, кроме прочего, еще и как незаконный (не введенный парламентом) налог (не случайно, что в США и Великобритании в период демократии налогоплательщика периоды инфляции совпадают с периодами войн и цены долгосрочно стабильны).

Это преимущество, однако, имеет и обратную сторону. Дезорганизация рынка (в том числе в результате государственного вмешательства, стимулы к которому чрезвычайно сильны в любом государстве из популистских, преимущественно, соображений) чревата тяжелыми последствиями для «реального» сектора. Прежде всего, в результате общего падения доверия агентов друг к другу, поскольку важнейшей функцией финансовых рынков является информация об экономике в наиболее обобщенном и формализованном виде.

Институты же защиты финансового сектора от безответственного давления государства²⁷ развиты слабо. Из редких примеров – институт независимого Центрального банка. То есть в этой сфере, крайне чувствительной к давлению вообще, очень мало примеров сколько-нибудь эффективной защиты сектора от произвольного давления властей.

При этом сейчас становится очевидным, что безответственная финансовая политика, направленная на несоразмерную экономической ситуации денежную эмиссию или наращивание бюджетного дефицита, государственного и квазигосударственного (госкомпаний) долга, становится серьезным дестабилизирующим фактором, угрожающим

²⁷ Например, с требованием облегчить процедуру выдачи кредитов на покупку жилья, как это было перед началом краха ипотечных институтов в США, сдетонировавшим общий кризис.

экономике и обществу в целом. В связи с этим стоит вспомнить, что кризис Римской империи, начавшийся в III в. и, в конце концов, уничтоживший ее, не в последнюю очередь начался с массовой порчи монеты государством, не умеющим удержать аппетиты лоббистов, и означал вслед за этим деградацию и прочих институтов (гражданства, профессиональной армии, предпринимательства и т.п.).

Процесс восстановления доверия к государству и к институтам финансового рынка, деформированным его вмешательством, сложен и длителен. Общий рост недоверия и, соответственно, транзакционных издержек по всем сделкам может сказываться в течение долгосрочного периода после первоначального «обвала».

К Главе 7 – Рентные доходы: ресурсное проклятие и коррупция избирателей

Возможность власти получать неконтролируемые обществом доходы дает ей большую свободу рук. Такие доходы не зависят ни от качества поставляемых общественных благ, ни от инвестиционного климата. Налогоплательщик при известном уровне организации может попытаться навязать нуждающемуся в его деньгах правительству свои условия использования полученных ресурсов (и история показывает, что зачастую успешно). С собраний представителей тех, кто деньгами и вооруженной силой обеспечивал мощь государства²⁸, начиналась история многих современных парламентов.

Отсутствие у власти необходимости просить подданных о финансовой поддержке взамен на гарантии и привилегии делает силовое превосходство власти перед каждым рыночным агентом (подданным) практически ничем не скомпенсированным²⁹. Если же доходы правительства позволяют ему подкупать граждан, угроза бесконтрольности власти вполне в состоянии ослабить или даже уничтожить уже существующие институты демократии. Об ограничениях, способных гарантировать независимо от воли властителя универсальные надежные гарантии для бизнеса, в таких условиях не может быть и речи.

В период ресурсного изобилия страна во главе с добрым и щедрым правителем может казаться весьма привлекательным местом до тех пор, пока ресурсы не иссякнут, оставив за собой испорченные институты и ослабленные навыки самоуправления и нормального предпринимательства.

²⁸ Его способность обеспечивать общественное благо «оборона».

²⁹ Если только гражданин не располагает сопоставимой военной силой, что исключительно маловероятно.

В отдельных случаях правитель – «стационарный бандит» с добрыми намерениями и развитым здравым смыслом может предоставлять и поддерживать личные гарантии. Однако предположение Олсона (*Olson, 2000*) о том, что такие гарантии не отличаются надежностью, подтверждаются многочисленными примерами из истории, включая весьма наглядный пример Китайской народной республики (см. *Глава 9*).

К Главе 8 – Иммиграция: условия выбора стратегии адаптации и стратегий избегания таковой

Современные подходы к иммиграционной политике в большинстве развитых стран усугубляют проблемы адаптации мигрантов. Затяжная дезадаптация иммигрантов (и даже их потомства) выливается как в регулярные проблемы с законом, так и в масштабные инциденты. При этом дезадаптация иммигрантов может даже нарастать со временем, а ее локализация – расширяться. В зависимости от уровня ожиданий иммигрантов, проявления дезадаптации могут варьироваться от попыток возложить часть издержек по своему социальному обслуживанию на налогоплательщиков (массовое участие иммигрантов в кампании 1994 г. в связи с референдумом штата Калифорния по Предложению № 187) или даже приводить к массовым беспорядкам, как в Париже в 2005 г.

Стимулы к поддержке неселективной и нетрудовой миграции есть у большей части бюрократов и у «левых политиков». При такой иммиграции большая часть иммигрантов становится клиентами государственной помощи и управляемым электоратом. По сути, речь идет о таком явлении, как импорт управляемого электората из стран без демократической традиции.

Мы исходим из того, что режим правовой демократии опирается на ряд важных гражданских навыков и воспроизводится благодаря этим навыкам. Навыки кооперативного поведения, решения проблем и согласования интересов в рамках власти закона и демократических процедур представляются важным компонентом человеческого капитала. Это умение взаимодействовать с окружающими, как на личном уровне, так и в рамках «коллективного выбора», с минимальными издержками требует не только и не столько обучения. Такие навыки, очевидно, существовали и за 100 лет до того, как «прогрессивные» педагоги начали внедрять в школьные программы соответствующие курсы. Для успешного усвоения таких навыков требуется позитивный опыт многих поколений по «эксплуатации» соответствующих институтов к всеобщему благу. Поэтому массовый наплыв не склонных к ассимиляции иммигрантов из стран, где власть

основывается главным образом на авторитете грубой силы, размывает эту основу для воспроизводства «мягкой инфраструктуры» правовой демократии и власти закона.

Сама по себе иммиграция не является неразрешимой проблемой при условии, что иммигрант принимает культуру, прежде всего правовую, и обычаи своей новой родины как источник своего успеха и общего – с урожденными гражданами – успеха и процветания. Иными словами, он или ассимилируется или – в случае близости культур (эмиграция в США из Европы XIX – начала XX вв.) – приспособливает свой культурный и правовой «багаж» к окружающей реальности.

Современный пример Канады и, отчасти, Австралии показывает, что механизм селективной иммиграции позволяет оптимально сочетать удовлетворение нужд рынка труда с умеренными издержками адаптации новых граждан, причем умеренными для них самих, для их соседей и для общества в целом.

В результате, в Канаде интересы иммигрантов достаточно быстро становятся малоотличимыми от интересов местных жителей, что мы прослеживаем на статистике голосований (в сравнении с явно выявленными особенностями – резким «лево-зеленым» сдвигом – голосования мигрантов в ФРГ³⁰). Не в последнюю очередь это связано с фактической политикой имущественного ценза, в рамках которой ключевым фактором предоставления гражданства становится приобретение недвижимости в Канаде, т.е. иммигрант не только изначально способен что-либо заработать, но и оказывается в положении человека, которому есть что терять.

В случае же, если местные граждане воспринимаются как люди второго сорта, обязанные снабжать носителя передовой религии и культуры деньгами и закрывать глаза на его «шалости», ситуация как раз и становится такой, какая все чаще наблюдается в крупных городах Западной Европы. Там, где наплыв таких «гордых» своей культурой и религией иммигрантов, страдает качество общественного блага «правовой порядок», т.е. качество этого блага, поставляемого гражданам-налогоплательщикам, снижается, а издержки поставки растут. При этом, поскольку качество плохо адаптированных мигрантов даже как работников сомнительно, ситуацию на рынке труда они улучшают значительно меньше, чем принято полагать, а социальные обязательства государства увеличивают, обременяя работающее местное население. Последнее побуждается продавать упавшее в цене жилье и переезжать в районы, менее насыщенные мигрантами,

³⁰ И это даже притом, что значительная часть новых граждан весьма экономически активна и сама заинтересована в снижении налогов и регуляций.

или даже эмигрировать в другие страны. Указанные негативные тенденции накладываются на низкую рождаемость, связанную с кризисом института семьи (его мы рассмотрим в *Главе 12*). Вместе они ведут к краху государственно-перераспределительных и к большому напряжению частных накопительных пенсионных систем.

Накапливающиеся проблемы с обеспечением правового порядка, напряжением рынка труда и старением населения, с ростом бремени старших нетрудоспособных возрастов угрожают экономическому росту в большинстве урбанизированных индустриальных стран, включая и старые демократии, и постсоциалистические страны с переходными экономиками.

К Главе 9 – Авторитаризм и передовой китайский опыт: ненадежность гарантий «стационарного бандита» на примере современного Китая

Экономический рост современного Китая впечатляет многих. Эта страна предлагается в качестве модели для подражания экономистами с противоположными взглядами от либертарианских – *Cato Institute*³¹, А. Илларионов³² до этатистских (В. Попов³³). Такое единодушие усиливает впечатление, которое на поверку может оказаться обманчивым.

В этой главе авторы попытались показать, что:

- китайский экономический рост гораздо менее устойчив, чем обычно считают;
- власти страны, особенно в последние годы, позволяют себе немало действий, подрывающих стабильность роста;
- феномен роста Китая, начиная с 1980-х годов, содержит гораздо меньше нового и поучительного, чем принято думать;
- сценарии высоких темпов экономического роста в долгосрочном периоде, при которых Китай сможет прочно занять позицию крупнейшей экономики мира, существуют, но их реализация маловероятна.

Феномен быстрого экономического роста с огромным притоком иностранных инвестиций и бурным ростом экспортоориентированного сектора, как представляется, объясним следующими основными факторами.

³¹ *Cato Institute* (www.cato.org) настроен весьма оптимистично относительно перспектив продолжения китайского экономического чуда, роста китайского потенциала и значения этой страны как партнера (<http://www.freetrade.org/issues/china.html>).

³² http://www.libertarium.ru/l_ptchina_china

³³ *Попов В.* Пекинский консенсус // *Коммерсантъ*, № 162 (№ 3493), 1 сентября 2006; *Попов В.* Шок и рынок // *Коммерсантъ*, № 160 (№ 3491), 30 августа 2006.

Это навес дешевой рабочей силы в стране, где до сих пор процесс урбанизации в разгаре (немногим более 40% населения живут в городах). Напомним, что подушевой ВВП Китая даже сейчас примерно в два с лишним раза ниже, чем душевой ВВП далеко не самой богатой России, и на порядок ниже, чем США. Это возможность, особенно на первом этапе, опираться на наиболее предприимчивых и трудолюбивых мигрантов в сочетании с навесом запрещенных ранее взаимовыгодных сделок, легализованных на рубеже 1970–1980-х годов.

Ключевую роль сыграло прекращение массовых репрессий при легализации бизнеса как такового, создании индивидуальных неформальных гарантий («крыш» в российской терминологии) для отечественных и универсальных, но также неформальных – для иностранных предпринимателей. То есть предприниматель не лишался свободы и имущества потому, что такова была выраженная воля властей, не ограниченных ни законом, ни какой-либо внутренней или внешней силой. Изменение политической ситуации одновременно с огромным накопленным запасом финансовой прочности создали соблазн усилить контроль над экономикой ценой отказа сначала от гарантий отечественному бизнесу, а затем и иностранному – именно это и происходит сейчас, когда начались аресты не только предпринимателей – граждан Китая, но и предпринимателей-нерезидентов.

Навеса запрещенных в дореформенный период сделок (т.е. до фактической легализации предпринимательства как такового) более не существует. Лучшая по качеству рабочая сила выкачана или выкачивается из деревни в настоящее время. Причем должного воспроизводства ее в городах под демографическим прессом властей не происходит. В то же время в деревне, где пресс слабее, темпы прироста населения выше, что искусственно снижает долю качественной рабочей силы на рынке.

Сценарий прекращения этой тенденции с целью стабилизации высоких темпов экономического роста на здоровой институциональной основе выглядит крайне маловероятным. В то же время накопленные запасы не позволяют и не позволят в среднесрочной перспективе понять ошибочность новой линии. Пока резервы позволяют замещать эффективные частные инвестиции государственными (или формально частными, но сделанными под давлением властей). Эта «подушка» блокирует осознание тяжести ситуации властями и делает наиболее вероятным сценарий с дальнейшим ослаблением гарантий частному сектору, ростом популизма, государственной нагрузки на экономику и т.д.

Идеология является эффективным средством координации коллективных действий. Даже в отсутствии законов и инструкций она позволяет чиновникам, активистам гражданского общества, политикам эффективно взаимодействовать, продвигая и отстаивая свои интересы. Распространенная идеология снижает издержки восприятия точки зрения, на ней основанной. Господствующая идеология кроме этого резко повышает издержки распространения альтернативных точек зрения. Также повышаются издержки координации действий лиц, несогласных с господствующей идеологией. Поэтому доминирование некой единой идеологии создает ситуацию, в чем-то напоминающую отсутствие свободы слова и союзов или аналогичную наличию ограничений на таковые.

Ослабление политической конкуренции, вызываемое таким доминированием, не может не отразиться на гарантиях частной собственности, а в конечном итоге, и на деловом климате.

Религия, которая выступает для большинства людей в сильно редуцированной форме (в силу «рационального неведения») и потому имеющая значительное пересечение с идеологией – также существенно влияет на поведение рыночных агентов и на их способность к кооперации. Идеология и религия воздействуют на выбор профессии и вида деятельности, на престиж и уважение к собственности, к предпринимательскому успеху, следовательно, на качественный состав предпринимателей. Влияют они и на уровень доверия среди участников сделок, и, следовательно, на уровень транзакционных издержек.

Барро (*Barro, 1999a; 1999б*) показал, что религиозный фактор статистически значимо связан со сложившимися политическими институтами. То же показывает и наш анализ (*Яновский, Шульгин, 2008*). Очевидно, объединенное влияние идеологий и религий, негативно относящихся к личному успеху, не защищающих и не поддерживающих институт частной собственности, значимо и негативно коррелирует с долгосрочными (на периоде с 1820 г.) темпами экономического роста.

В связи с этим анализ современных антикапиталистических доктрин – от современных разновидностей этатизма и левачества до исламского фундаментализма – представляется актуальным.

«Усовершенствования» демократических механизмов принятия решений о поставке финансируемых налогоплательщиком общественных благ могут уводить экономику в том

же направлении, что и авторитаризм. Возможно, такой отход менее значим, но при этом традиция ограничения демократии также как и длительная традиция авторитаризма с трудом поддается коррекции.

Источником таких «усовершенствований» может быть природная рента (см. выше – *Главу 7*) оказывающая схожий эффект регулярная внешняя экономическая помощь, «монополизация» СМИ, судебной системы и правоохранительных групп одной коалицией политических сил и групп интересов.

Есть ряд стран, в которых доминирование одной партии в течение определенных исторических периодов выглядело вполне явным: Япония (1955–1993 гг., фактически же – после короткого перерыва – по 2009 г.), Мексика (1929–2000 гг.), Италия (1947–1993 гг.), Швеция (1932–1976 гг. и 20 из 23 лет в период 1982–2005 гг.), Израиль (1948–1977 гг.), Индия (до 1977 г., 1980–1989 гг., 1991–1998 гг., т.е. фактически 46 лет из 50 страной правила одна группа), Ботсвана и т.п. Тенденции ограничения медийной конкуренции посредством финансирования налогоплательщиком пропаганды позиции вполне определенных групп и коалиций («левых», по нашему определению) являются международными и охватили ныне большинство демократических стран.

В соответствии с «левым новоязом» ликвидация конкуренции является ее защитой (зачастую, как в Израиле³⁴, кампании против альтернативных общественным СМИ строятся на запугивании потребителя монополизацией вещания или печати частным капиталом).

Результаты также аналогичны описанным выше – в *Главах 1 и 2*:

- ослабление политической и медийной конкуренции;
- ослабление вследствие этого гарантий прав собственности;
- снижение прозрачности государства, его ответственности и подотчетности избирателю, налогоплательщику;
- одновременное повышение возможностей извлечения ренты группами интересов и снижение возможностей (рост издержек) координации действий большинством населения для защиты своих прав и законных интересов.

³⁴ Законопроект партии «Кадима» – см. в частности, одну из оценок этой инициативы с анализом ситуации в соответствующем секторе медиарынка: «Ownership restriction in the media market in Israel» <http://www.jims-israel.org/pdf/PPMedia.pdf>. Характерно, что с нарастанием тенденций к «закрытию» в старых демократиях похожая аргументация становится расхожей и там – так, ее широко применяют американские и канадские левые интеллектуалы – см. подробнее *Главу 2*.

В данной *Главе* рассматриваются попытки воспроизвести в сфере семейных отношений этатистский эксперимент, провалившийся в экономике. Этот эксперимент основан на допущении об особой информированности и добросовестности государства и на уверенности в праве государства вмешиваться в семейные дела, праве приоритетном в случае конфликта государства и семьи над правами родителей.

Воспроизводимое в рамках такого подхода избыточное регулирование государством семейных отношений размывает личную ответственность родителей. При этом подрываются как стимулы к созданию устойчивого семейного союза, так и к деторождению с несением обоими родителями всей полноты ответственности за воспитание детей.

Воспроизводимые новыми институтами стимулы супругов, родителей и детей фиксируют кризис института семьи. Ослабление семейных связей и падение рождаемости ведут к ряду важных социально-экономических и политико-экономических последствий. Суть их – ослабление институтов, поддерживающих и защищающих права собственности, правовой порядок. Падение рождаемости, прежде всего у среднего класса, создает напряжение на рынке труда и обостряет проблему финансирования нетрудоспособного населения.

Механизм воздействия кризиса семьи на экономический рост накладывается на схемы, описанные в *Главе 8* об импорте управляемого электората (современный механизм иммиграции, поддерживаемый «левыми» политиками). Он ведет к размыванию важной компоненты человеческого капитала. Той, которая обеспечивает способность рыночных агентов к кооперации в рамках договоров, политической и экономической конкуренции, политических компромиссов.

Другой механизм – более простой и непосредственный – связан с недопоставкой квалифицированных и социализированных наилучшим образом работников, с недопроизводством человеческого капитала как в общепотребимом, так и в оговоренном выше смысле. В результате доля иммигрантов и трудоспособном населении, и в населении вообще, очевидно, статистически не связана с темпами роста на выборке демократических стран³⁵.

³⁵ Притом, что логично было бы ожидать значимой положительной связи, поскольку приток адаптирующегося трудоспособного населения снижает равновесную рыночную цену одного из факторов и, естественно, повышает потенциал экономики.

Семья есть институт, обеспечивающий естественную социализацию нового поколения, в том числе, передачу наиболее фундаментальных норм человеческого общежития и защиту этих норм наиболее «экономичным» и наименее насильственным способом. Проблемам, связанным со слабостью таких норм, с размыванием морали, специально посвящена *Глава 13* нашей книги.

Следует оговориться, что прекратить политику «в интересах ребенка» необходимо не столько по экономическим, демографическим или политическим соображениям, сколько по моральным. Подстрекательство государством супругов друг против друга, детей – против родителей, соседей – становится доносчиками на соседей совершенно нетерпимо. Такая политика оставалась бы неприемлемой, даже если бы и не размывала самые основы институтов, поддерживающих доверие людей друг к другу в обществе и на рынках на микроуровне. Эту политику необходимо было бы прекратить, даже если бы пришлось заплатить за это немалую цену, а не получить вполне вероятную значительную экономию.

Правда, апелляция к этике, нравственности, морали – обычная практика «левых» политиков и бюрократов. Чтобы понять, насколько она легитимна, начнем *Главу 13* с попытки выбора критериев моральности. Также необходимо определиться с легитимностью самого вторжения экономистов на эту «территорию». Не должна ли экономическая наука остановиться на почтительном отдалении от дискуссий о столь высокой материи?

К Главе 13 – «Ветхозаветная» мораль и «традиционная» семья

В этой *Главе* рассмотрены вопросы морали как фактора доверия в обществе и на рынках, как важной компоненты «мягкой» (но на самом деле куда более устойчивой, нежели «формальное законодательство») инфраструктуры, среды, в которой функционирует формальная правовая система. То есть мораль нас интересует, прежде всего, как институт институтов. Институт, который, будучи в надлежащем состоянии способен заметно повышать эффективность базовых институтов, включая институт частной собственности. Ссылки на мораль часто используются в политических и научных дискуссиях, в том числе для пресечения таковых или для установления искусственных границ и ограничений на свободу дискуссии. Поэтому вопросы морали будут затронуты и в связи с обоснованностью таких ограничений в научном контексте, и в связи с проблематикой общественного выбора.

Механизм воздействия морали на экономический рост наиболее опосредованный (как и эффект идеологии – религии). Его эффект, соответственно, сложно поддается измерению. Как основа (вместе с семьей) мягкой инфраструктуры мораль повышает доверие между рыночными агентами. Между агентами непосредственно знакомыми, а иногда даже и незнакомыми, но принадлежащими к одной группе заведомо придерживающихся общих взглядов на мораль лиц. Кроме того, мораль снижает издержки построения и реализации формальных институтов, защищающих частную собственность, и дружественных рынку.

Укоренение таких институтов приводит к снижению транзакционных издержек практически для любой сделки и резко повышает число потенциально выгодных контрактов. Грубые количественные оценки возможны на большой выборке стран и на продолжительных, как минимум в несколько поколений, периодах. При этом некоторые проявления укорененности морали могут быть описаны (оценены) как логические переменные (наличие – отсутствие нормы; например, наличие полномочия государства разрешать семейные конфликты «в интересах ребенка», наличие соответствующей социальной службы). Косвенно они могут быть оценены и статистически – по разводимости; для урбанизированных демократических стран – по рождаемости, по статистике благотворительности и добровольного труда (или, как минимум, по факту наличия такой статистики).

Война государства с семьей и моралью общества в значительной мере связана с общим механизмом передачи ответственности индивида обществу и общества государству. Последнее заинтересовано в максимизации ресурсов и контроля. Максимизация контроля конфликтует с любыми ограничителями, самым мощным и устойчивым из которых является мораль. Мотором механизма «освобождения от ответственности» и от морали, как представляется, являются стимулы, порождаемые институтом всеобщего избирательного права.

Укрепление универсальных моральных стандартов открывает дорогу к возвращению к демократии налогоплательщика, согласующей и интересы разных групп ответственных и кооперативно мотивированных избирателей.

Принцип всеобщности избирательного права там, где он имеет смысл (в демократических странах), порождает множество стимулов к некооперативному («оппортунистическому») поведению.

Голосующий бюрократ находится в ситуации конфликта интересов: как добросовестный гражданин, он должен был бы поддерживать оптимальные уровни расходов на поставку определенных общественных благ. Как лицо, чье благосостояние и карьера зависят от объема расходов на поставку общественных благ, он заинтересован в поддержке и объемах, и цен, заведомо превышающих оптимальные для большинства граждан уровни. Он заинтересован также в получении избыточных регуляторных полномочий. Следовательно, добросовестный и просвещенный чиновник должен был бы сделать заявление о конфликте интересов и воздерживаться от голосования до отставки.

Многочисленную и растущую группу избирателей составляют «профессиональные» получатели пособий. Среди них все больше лиц, которые никогда не имели самостоятельных доходов от поставки товаров и услуг, оцениваемых рынком. Заметную во многих странах группу составляют иммигранты, прибывающие целенаправленно для получения таких пособий. Следовательно, такие лица, чей интерес связан с перераспределением ресурсов от налогоплательщиков в свою пользу, также не имеют морального права принимать решения, голосуя на выборах.

То же отчасти касается и предпринимателей, получающих основной доход из бюджета. Например, от необычайно удачной последовательности выигранных тендеров на поставки для государственных нужд товаров и услуг.

Работники СМИ и системы образования, заинтересованные в надежном и не зависящем от качества работы финансировании, требуют для себя бюджетного финансирования (или защищают таковое). Они имеют полное право отстаивать свою позицию публично, но их право навязывать донорам бюджета свою позицию силой – посредством голосования – также вызывает сомнение.

Совокупность описанных агентов (причем, список далеко не полон) склонна – естественно «во имя общественного блага» – заставлять силой доноров-налогоплательщиков оплачивать им безбедное существование. А кроме этого еще и гасить приступы угрызений совести (помогая, как действительно нуждающимся, так и тем, кто сам загнал себя в тяжелую ситуацию, – причины подобной щедрости легко объяснимы и

источником – чужими деньгами и интересами – расширить коалицию получателей пособий и смешанных общественных благ).

Вспоминая универсальный и вечно актуальный рецепт процветания от А. Смита – необременительные налоги и разумные законы – мы вынуждены констатировать следующее. Всеобщее избирательное право продвигает общество к состоянию, в котором уровень налогообложения заведомо превышает оптимальный, равно как и уровень поставки смешанных общественных благ, следовательно, к торможению темпов экономического роста. Этот тезис можно проиллюстрировать зависимостью темпов экономического роста (временного ряда) от уровня налогообложения (также по годам и по странам). Разумеется, в выборке могут присутствовать только правовые государства, поскольку в остальных официальная информация о налоговом бремени заведомо недостоверна: она не учитывает ни фактора коррупции (как налога и как рычага минимизации налоговых платежей), ни произвольных изъятий собственности.

Другим наглядным примером является историческая статистика балансов государственных бюджетов (динамика государственного долга) и инфляции (см. *Приложение 4* – история инфляции и бюджетного дефицита после введения всеобщего избирательного права). В эпоху до всеобщего избирательного права проблемы с финансированием были почти исключительно связаны с военными или иными подобного масштаба внешними шоками. В эпоху всеобщего избирательного права бюджетный дефицит, растущий государственный долг и инфляция стали нормой.

Заключение и выводы

Возможна более жесткая, конституционно зафиксированная система ограничений на активность государства и прямых запретов на:

- поставку большинства смешанных общественных благ;
- бюджетный дефицит и инфляцию как незаконный налог;
- вмешательство в экономику;
- вмешательство в дела семьи исходя из презумпции всеведения и обладания государственными чиновниками тайным знанием истинного блага детей;
- любую самостоятельную (в качестве игрока) активность на медиарынках, включая запрет принуждения к финансированию чужого мнения в любой форме;
- возвращение контроля над законодательной и исполнительной властью корпусу налогоплательщиков-избирателей.

Постепенное восстановление ослабленных институтов семьи и морали и ряд иных описанных в книге запретов и ограничений для государства могут ослабить остроту целого ряда хронических проблем современных рыночных демократий. Прежде всего таких, как:

- кризис идентичности и размывание фундамента демократических конституций;
- ослабление и дестабилизация всей финансовой системы (угроза неконтролируемого роста бюджетных дефицитов и инфляции);
- старение населения и кризис пенсионных систем;
- ослабление гарантий частной собственности и ухудшение делового климата, выталкивающее за рубеж большее число рабочих мест, чем это обусловлено логикой международного разделения труда.

Прекращение описанных в книге практик поможет также восстановить притягательность образца, примера правовых рыночных демократий. Последние получают шанс восстановить свою способность притягивать людей, ищущих свободы и справедливости (как равенства перед законом), вместо охотников за пособиями (для которых «справедливость» определяется шариковской формулой «все поделить»).

Источники:

1. Арментано Д. Антитраст против конкуренции. – М.: "Ирисен", 2006.
2. Гумбольдт В.фон «О пределах государственной деятельности» М.: «Социум», 2009.
3. Де Сото Х.У. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. – М.: «Социум», 2008.
4. Мау В., Жаворонков С., Яновский К. и др. Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. Научные труды № 68. – М.: ИЭПП, 2003.
5. Мау В., Жаворонков С., Фомичев О., Яновский К. Ледерман Лью. Политические и правовые источники инвестиционных рисков в российских регионах. – М.: ИЭПП, СЕПРА, 2002.
6. Олсон Манкур. Скрытая тропа к процветающей экономике. Сборник под ред. Клагу К., Рауссера Г. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. – М.: РГГУ, 1994, сс. 92-121.

7. Пайпс Р. Собственность и свобода. – М.: Московская школа политических исследований, 2000.
8. Пайпс Р. Я жил. Мемуары непримкнувшего. – М.: Московская школа политических исследований, 2005.
9. Яновский К., Затковецкий И., Шульгин С. и др. Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. Научные труды № 82. – М.: ИЭПП, 2005.
10. Яновский К., Шульгин С. Институты, демократия и экономический рост: тест 180-летнего развития. // "Экономическая политика", № 3, Июнь 2008, сс. 57-75.
11. Barro R.J. Determinants of Economic Growth. – London: MIT Press, 1999a.
12. Barro R.J. Determinants of Democracy. // Journal of Political Economy, Vol. 107, № 6, Part 2, pp. S158-S183 (Seminar on the Economic Analysis of Social Behavior in Honor of Gary S. Becker) December 1999b.
13. Glaeser E.L. A. Shleifer. Legal Origins // Quarterly Journal of Economics November 2002, pp. 1193-1229.
14. Kahneman, D., Slovic, P., Tversky, A. (Eds.), 1982. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. New York: Cambridge University Press.
15. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. Yale University Press, New Haven, Conn., 1966, pp. 1-16.
16. Locke John. Concerning civil government, second essay, (Первое издание). – Printed for Awnsham and John Churchill, at the *Black Swan* in *Pater-Noster-Row*, 1698. <http://www.lonang.com/exlibris/locke/>
17. Maddison Angus. The World Economy Historical Statistics. – Paris: OECD, 2003.
18. Maddison Angus. The World Economy. A Millennial Perspective. – Paris: OECD, 2001.
19. Olson, M. The Rise and decline of nations. – Yale University Press, 1982.
20. Olson, Mancur. Power and Prosperity. Basic Books. – NY: 2000.
21. Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub J.A. Limongi F. Democracy and Development. Political institutions and Well-Being in the World. 1950-1990. Cambridge University Press, 2000.
22. Rodrik, D. Where did all the growth go? External shocks, social conflicts, and growth collapses. Journal of Economic Growth 4(4): 385-412, 1999.
23. Shleifer A., Glaeser E., La Porta R., López de Silanes, F. Do Institutions Cause Growth // Journal of Economic Growth 9:271-303. 2004.

24. Stigler George J. The Theory of Economic Regulation. *Bell Journal of Economics and Management Science* 2 no 1 (Spring 1971): 1-21.